

Нагалья Долбенко

ВЫБРАТЬСЯ ЖИВЫМ

руководство мертвеца

Наталья Долбенко

Выбраться живым

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27098692

ISBN 9785448591969

Аннотация

«Я не мог вспомнить, сколько времени я шел так по улице, вдыхая, как рыба, свежего воздуха. И все время повторял себе, что не могу умереть, как собака, на дороге. Я преодолел пятнадцать лет в гробу, не повредит и нож в спине, и разбитый череп».

Выбраться живым

Наталья Долбенко

© Наталья Долбенко, 2019

ISBN 978-5-4485-9196-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вечерний мегаполис мигал тысячами огней. Шумела в час пик автострада. Суетливо мелькали люди, болтливые и беспечные.

Высокий крепкий человек в черном костюме шаткой походкой выплыл из переулка, держа правую руку на груди. Взлохмаченные волосы, изрядная небритость на разбитом окровавленном лице. Прохожие принимали его за подравшегося бомжа и не обращали внимание. Его затуманенные глаза ни на чем не останавливались, лишь следя за тем, чтобы ни на что не натолкнуться.

«Говорят, что время несет бремя несчастий. Но само время для меня несчастье. Не знаю, что время со мной сделало, я ведь был когда-то человеком...»

Крупный мужчина в обнимку с привлекательной хрупкой особой стоял перед дорогим рестораном, что на Твер-

ской, и подвыпившим голосом доказывал, ударяя себя рукой по груди:

– Владимир Романов, меня зовут как царя почти. На меня столик 43, пожалуйста.

– Извините, но на вас не зарезервировано, – объясняла девушка-хостес.

Романов переглянулся со своей спутницей непонимающе. Затем наставил на хостес палец и спросил:

– Девушка, ты замужем?

– Нет, – замотала та головой, ибо вежливость и этикет прежде всего.

– Точно не замужем, да? А вот я женат, – стукнул себя ладонью по груди в знак немислимых достижений и посмотрел на стоявшую рядом: – Пойми, незамужняя девушка, это наша с ней первая годовщина. И чья жена настолько красива, как же он не заказал столик?! Ну как? Такого быть не может.

Спутница стеснительно улыбалась. В то же время ей было приятно, что ее называли красивой. Год замужества, а Володя так же страстен с ней как подросток.

Из-за его спины вылез еще более пьяный друг и покачивался взад-вперед, заложив руки за спину:

– Он прав, он прав, – покрывал в такт.

– Женька Федоров – мой лучший друг! – представлял краснеющей хостес Владимир пьяным голосом.

– Да, а это Настя, его жена, – Федоров обнял за плечи молодую женщину.

Служащая уже улыбалась, но продолжала умолять небеса, чтобы эти алкаши свалили побыстрее, ибо ресторан был респектабельный, даже в перестроечные годы не растерял своей привлекательности для иностранцев.

– И я скажу вам, – все еще кричал Женька, – она сделала огромную ошибку, что вышла замуж за моего друга. Ладно, брак-то это правильно, я тоже собираюсь... и не беспокойтесь, мой друг абсолютно понятливый пацан, – он икнул и загыгыкал. – Смотрите, Вовка, сотвори улыбку. Гы-гы-гы

– Извините, господа, мне надо спросить менеджера.

– Менеджера? – закричал Романов. – Зачем спрашивать менеджера? Когда я женился, я разве спрашивал менеджера?

Настя поглядывала наверх, покручивая локон своих шикарных длинных каштановых волос.

– Чтоб заказать столик прямо сейчас, например, зачем мне спрашивать менеджера, чик и столик заказан, так ведь? – доказывал муж, вгоняя ее в краску.

Довольный Федоров, улыбаясь во все лицо, помогал:

– Я знаю точно, мой друг зака-а-зывал столик.

– Э, погоди, Женек, ты заказывал!

– Извиняюсь, – Федоров кивнул хостесу и повернулся к другу. – Годовщина свадьбы у тебя? Правильно?

– Ну.

– Это твоя жена Настенька? Правильно?

– Тоже правильно.

– Тогда с чего это я должен резервировать столик? – Фе-

доров вытянул губы и перекорчился.

– Тоже, блин, правильно, – автоматически мотал головой приятель.

Анастасии надоело пьяное пререкание.

– Стоп, стоп. Юноши, прошу вас заткнуться, – она развела их руками. – Давайте пойдем в другой ресторан, или я просто ухожу, а вы оставайтесь.

– Не, не котенок... – бросились они оба ее удерживать. Вернулись к уже было облегченно вздохнувшей хостес.

– Ну ладно, убедили, где там ваш менеджер?

– Господа, какие-то проблемы? – появился в дверях солидный костюмчик.

– На них не заказан столик, но...

Федоров начал гнуть пальцы:

– В Москве зачем мне какой-то заказ?

– Эй, – останавливал приятеля Романов. – Чтоб посидеть в ресторане, а особенно в таком, – обязательно нужно заранее заказать столик.

– Какой заказ? Я тут дела верчу-кручу... – продолжал тороторить свое Федоров.

– Такой заказ! – махал на него рукой Романов. – Ладно, давай спросим у менеджера. Послушайте, как вас там, пожалуйста, поймите его, поймите, он, мой Женек, бестолоч...

Менеджер оказался куда дальновиднее своей подчиненной: дурачье-нувориши пришли сорить деньгами – и поэтому быстро согласился:

– Хорошо, господа, проходите за столик. Следуйте за мной.

– Ой, спасибо, спасибо... вы так...

Через минуту они втроем весело смеялись, потешаясь над своей шуткой и капризом.

– Вован, круто мы прикольнолись. Они и правда подумали, что мы вдупель пьяные.

– А как мы тогда...

– Нет, вы слишком много играетесь, правда, – недовольно отругала женщина молодцов.

– Любимая. Спроси его, в школе мы были такие же, и сейчас мы остаемся весельчаками. Это так забавно. Зачем меняются? И тут ничего плохого нет. Мы никого шутками еще не убили.

– Ага, – она уткнулась в меню.

– Да, ему актером надо было стать. По ошибке стал компьютерщиком. Как Певцов, что ли, или Харатьян стал бы известным, не меньше. Если бы он пришел в кино, Дима бы фьить! Вован бы всех затмил.

– Ладно, ты сегодня в Астрахань уезжаешь. Меня оставляешь.

– Да, брат женится.

– Вот, вот, а не ты.

– Э, так ведь...

Тот цикнул.

– Слушай, брат, это не по твоей воли происходит, а друг

появляется по желанию. Что важнее: желание или неволя? Поэтому давай, никуда ты не поедешь. Не пускаю.

– Насть, – Федорову понадобилась ее помощь. – Смотри, ему хорошо бы быть актером, да?

– Ой, ребята, кончайте. Я из-за вас голодная сижу. Зака-зывают наконец. Они еще полчаса будут готовить. В таком случае я вообще помру.

– Милая, – потянулся муж, глядя ее по голове.

– Нет, ну зачем он не стал актером или поваром? – пошу-тил друг.

– Погодь, Женек. Это моя годовщина. Пожалуйста, давай удовлетворим желудочную потребность моей красавицы.

– Да, любовь вещь великая, – философски замотал голо-вой Федоров. — Я бы вот тоже влюбился бы как не знаю кто в такую же.

– Эй, и не стыдно тебе? – пристыдил Романов в шутку. – Я же рядом.

– Стыдно, Вова, стыдно. Глядя на Наськино лицо, хочется убежать от искушения.

Она хихикнула.

– Женькин, ты меня плохо понял, – Романов изображал ревнивца.

– Так и не говори дурного обо мне. Если мой батя узнает, спать перестанет. А он уж печется о чести семьи. Я чужих жен не отбиваю. Это колеблет наши семейные устои.

Трое засмеялись.

– Не понимаю, с кем вы вообще дружить можете? – всплеснула руками, мужчины продолжали смеяться.

– Мы тоже не понимаем.

– Зато, Женя, я мою женушку прекрасно понимаю. Извини, милая, – с этими словами он полез открывать шампанское. И пробка, звучно пукнув, взлетела и ударила потолок.

– Уау!

– Это не честно, Володь. У тебя такая классная дача. С выходом к речке, – Федоров обвел рукой в сторону двухэтажного дома с беседкой, мангалом, банькой, возвращенным палисадничком. И все это находилось в пятнадцати минутах от МКАДа. Они восседали на краю подмостка.

– Шикарно! Одно слово. Я вон вижу ты и фонтанчик разбить хочешь. Не, не честно, – друзья бултыхали ногами в теплой воде и пили пиво. Настя переодевалась внутри после ресторана и душного города. – К тому же у тебя есть такой красавец-умница друг как я, такая шикарная красавица жена.

Они теперь и правда были подвыпимши и языки их ворочались лениво.

– А у меня что? – Федоров обвел мутным кислым взором мирно бегущие воды.

– Иди-ка сюда ближе, – поманил пальцем Романов. Они приблизились. – У тебя есть твоя дурацкая судьба.

И заржали. Романов закинул ногу на колено.

– Женек. Я думаю расширять свою фирмочку. Как дума-

ешь?

– Ты мне скажи одну вещь. Ты правда решил заморозить себе голову бизнесом? Если развиваться, следить надо за всеми. Два офиса – две головы тебе надо иметь. Все во-ры. А сейчас пора такая. В стране черти что. Одни бандюки. Все хватают и хапают почему зря. Я бы, наверно, оставил одно отделение и хватит. Или еще лучше: взял бы да и работал в какой-нибудь солидной компании. Уж не мне с твоими способностями тебе говорить – любая фирмочка тебя нарахват. Зарплата хорошая. Почти никакой ответственности.

– Ну что ты говоришь? Я почему у тебя денег беру, наверно не за тем, чтобы лишние железки закупать, а начинать настоящее стоящее дело. А ты тут мне – солидная зарплата.

Тот только угукнул. И отхлебнул пива.

– Да. Ты прав. Если идти дальше – большая прибыль светит. Наверно как у Неклюшева, выпендрожника с палатками на трех вокзалах.

– И даже больше.

– Как это?

– Потому что у Неклюшкина твоего нет такого классного друга, как ты, – они чокнулись бутылками.

– А, подкольник меня! – по-дружески засмеялся Федоров, хлопая себя по бедрам. Потом посерьезнел. – Ты, случайно, приколами не занимаешься, как раньше? – спросил и оглянулся по сторонам. Романов замотал головой. – Ты помнишь еще девчонку из школы? А? Мне кажется, ты из-за шумихи

свалил сюда. Твое имя тоже ходило вместе с ее. Мне тогда все понравилось, а ты? Фьюи! – присвистнул он и мужчины засмеялись, поняв друг друга.

– Женька! – позвала Настя с веранды. – За тобой такси приехало. На поезд опоздаешь. Давай пошевеливайся!

– Скажи мне, – глядя в ее сторону, молвил Федоров подзрительно. – Почему твоя жена хочет выставить твоего лучшего друга?

– Ничего, – подмигнул тот. – Когда сам женишься, узнаешь.

– Ты, Вовик, такой домашний стал, скучный, – укоризненно заметил.

Настя уже подошла и с улыбкой обняла мужа за шею, облокотившись о его плечо.

Федоров откровенно пожирал фигуру женщины взглядом.

– Ну до чего ж хороша! Ей-ей! Просто слюни текут.

Она кокетливо хихикнула.

Федоров помотал со вздохом головой.

– Сейчас уеду в четыре часа. Поглядим, кто у меня в судьбе. Надеюсь, еще лучше Наськи, – и прыснул со смеху.

Успокоившись, посмотрел на Владимира в обнимку с женой, которая на десять лет младше его.

– А ты – бездельник, Володя.

– Я? Почему? Я целый день Наськой занят, а говоришь небо зря копчу. Ха.

– Какой бездельники? – влезла жена. – Только на днях купили домик. Здесь еще все осмотреть надо. К дому полно еще чего покупать придется.

– Еще в магазин не ездили капитально?

– Ты, Женька, должен был нам все купить!

– Я?!

– Да. Ты тут бываешь, ты закупки на свои и делаешь, – Владимир воткнулся лицом в руку жены. – А я со своей Настей побездельничаю.

– Да, – подтвердила она, прижимая голову мужа к себе.

Федоров завистливо замычал.

– Кажись, я завидую вам. И от этого поезд мой с рельсов сойдет.

Супруги усмехнулись над фаталистичностью друга.

– Нет, Женя, кроме твоего толстого маленького папаши, с тобой никакой катастрофы не случится.

Тот отвернулся, глядя на реку.

– Ладно. Пора уходить. Не охота, конечно, – в лице появились следы печали. – На годовщину позвали – спасибо. Не забудьте и на развод позвать, если что.

– Да, да, обязательно, – закивал козырьком бейсболки Владимир, – сплюнь, мы вечно вместе будем.

– Давай, давай, – замахнулась в шутку Настя. – Иди уже.

Друзья привстали, пожали руки, крепко обнялись.

– И с ней? – указал пальцем Федоров.

– Перебьешься, – шутиливо-угрожающе буркнул Романов.

– Ладно, потом как-нито.

Все трое направились к дому.

Ветер раздувал деревья, но было все еще тепло. Настины волосы трепались как парус. Она стояла на веранде и набирала номер.

– Алле?

– Здравствуйте.

– Могу я поговорить с доктором Серовой?

– Да. Я вас соединяю.

– Доктор, это Анастасия Романова. Я звоню узнать результаты теста на беременность.

– Да, Настя. Поздравляю. Ваши результаты положительны. Уверена ваш муж очень обрадуется.

Женщина была на седьмом небе от счастья. И стала еще красивей.

– Конечно, мы оба счастливы. Спасибо доктор, – рот не закрывался от радости. Она взглянула вдаль на берег, где рыбачил муж. – Сейчас мчусь, все ему расскажу.

Она повесила трубку и помчалась в обход к берегу. По пути остановилась, прихорашиваясь, перед зеркалом. На нее взглянули счастливые глаза будущей матери.

Грудь высоко вздымалась от радостного волнения. Они оба надеялись стать родителями: Володя очень просил ребенка.

Выбежав на тропинку к мостику, Настя затормозила в рас-

терянности. Володи тут уже не было. Только что видела его с веранды, а теперь нет. Куда он мог запропасться?

Подбежала ближе. Брошенная удочка. Банка с червями. Ведро для улова. Газета. Но не их хозяин. Никакого следа. Что случилось с ним?

В пустом, черном, слабо освещенном коридоре послышались дерзко стучащие по бетонному полу шаги. Остановились у металлической двери. Белые, с узкими носами на ковбойском каблуке, мужские сапоги ударили по задвижке внизу. В открытое отверстие протиснулся поднос – тарелка с пловом и чашка чая. Сапог хотел уже так же запирать створку как печную, но тут изнутри протиснулась рука и змеей обвила ногу, пыталась ухватиться за узкий лакированный носок.

– Постой, друг! – раздалось умоляющее. – Друг, пожалуйста, не запирай дверку, – рука начала отчаянно сопротивляться ноге. – Не запирай! – нога яростно отпихивала. – Сколько вы еще меня продержите взаперти? Три месяца прошло, друг, брат, пожалуйста. Я не могу больше! Скажи, в чем я виноват? В чем вина? Что я сделал, друг? Пожалуйста, пожалуйста! – голос доходил до отчаянного иступленья. – Друг, друг! Пожалуйста! – сапоги уже устали выслушивать очередные вопли. – Сука ты, падла! Открой! Выпусти меня сейчас же! Ты, иди сюда! Сам внутрь, – голос начинал реветь и борзеть. – Ты хочешь драться? Давай! заходи в каме-

ру! Иди дерись со мной, тварь! Козел!.. – сапог пинал створку. – Друг! Ну! Пожалуйста! – створка собралась захлопнуться. Напрягая мускулы, рука вновь ее отдернула. – Ладно, я спокоен. Друг! Ладно, ладно. Прости, извини! – голос начал снижать тон. – Прости, прости, я не буду кричать. Правда. Друг... – нога смягчилась. Створка не стала затворяться. Узник притих, но руку не убрал. – Брат, я простой компьютерщик. У меня маленькая фирмочка. Я никому не перебегал дорогу. Ни с кем не ссорился. Друг, выслушай меня! – узник плача, поперхнулся. – ...Пожалуйста... Друг, скажи, что тебе... вам нужно? Что нужно? А? Моя фирма? Берите! Я все отдам, что имею. Деньги? Сколько? Я соберу. Да, все отдам, друг! Только освободите меня! Пожалуйста, друг... – высунулась вторая рука и молитвенно сложились ладони. – Пожалуйста, открой дверь! Пожалуйста, умоляю! Друг! – последнее слово пошло приглушеннее, ибо нога все-таки захлопнула задвижку наглухо. И маленькое окошечко в двери скрыло узника, который продолжал вопить, умолять за металлической дверью.

Владимир еще раз пихнул ладонями безмолвное железо, лежа на животе. Быстро поднялся и со всей своей медвежьей силой крупного здорового мужика громыхнул по двери.

– Откройте дверь, скоты поганые!

Но все бестолку. И он только безнадежно пинал неподдатливую дверь и повторял одни и те же слова: «Выпустите меня!»

Устав, схватил с пола поднос с едой и швырнул в то же железо.

– И жратву свою поганую заберите!

И снова как раненый зверь бился кулаками и всем телом.

– Откройте дверь!

Невыносимая мысль о заключении давила на виски страшной силой. Казалось, его голова вот-вот разлетится на куски от ужаса, но так не происходило.

Так, в очередной раз, мужчина бился до рева, до одурения, до слабости в мышцах, а потом сползал на пол, беспомощно съеживался и рыдал. И если приподнимался, то вновь ударял слабыми беспомощными руками и тупо повторял одни и те же призывы и мольбы.

Черные стены, черный потолок, черная одежда на нем, и всегда горит мутный, в одну лампочку, свет.

«Если б мне тогда было известно, что так я проведу пятнадцать лет в заточении, то стала бы моя боль от этого меньше или тяжелее?»

Приходил новый день и в дверную щель вновь пихали поднос с едой. В безутешном горе я сидел у стены на полу и безучастно взирал на все это.

И приходил новый день. И опять звук задвижки и летящий к моим ногам поднос. И опять в следующий день тоже полетит поднос. И еще. И опять тоже самое. Иногда поднос подпихивала знакомая нога. Я перестал следить за этим.

И я медленно залезал на кровать с подносом. Размазывал по стенкам тарелки жирные рисинки прямо руками. Выбирал морковь. В кучку складывал лук. Куда мне было спешить? Единственное мое развлечение.

На другой раз я складывал в кучку мясные кусочки. И потом считал их. Один. Два. Три. Десять. Сто. Пятьсот...

Я сравнивал их по цвету, по степени зажаристости, по размеру. Придумал типажи кусочков... проклятых!

Всегда равные порции. Всегда четкий состав. Строго по рецепту. Всегда один и тот же вкус... проклятого плова!

И чашка теплого черного чая с сахаром. Никогда не больше сахара и не меньше.

Для разнообразия я ел иногда в углу на полу. Иногда сидя или полулежа на кровати. Иногда кровать служила мне столом и я на коленях перебирал рисинки, считая их. Загадывал желания. Гадал. Если рисинка сегодня четное количество, меня выпустят через три дня. Если нечетное, значит уже сегодня. Но сколько бы их не оказывалось, проходил день и три, а меня не отпускали и никто со мной не разговаривал. И мне иногда становилось жутко тупо от влетающих к моим ногам подносов, словно это происходило каждые пять минут. Видно, остальное время я сидел, уставясь в одну точку, и отключался.

Дни шли за днями. Ржавая задвижка. Я ненавидел ее. Иногда даже больше риса. Потому что именно она, проклятая, отделяла меня от свободы. Она скрипела и визжала,

подчиняясь лакированным сапогам. А эти гнусные каблуки, словно молотком отдавались по моей голове.

И опять это все приносило мне одно и то же – жареный плов. Никогда я не мог подозревать, что можно ненавидеть плов. Иногда он мне казался совсем живым. И я ненавидел его, вместо того, чтоб ненавидеть тех, кто его приносил. Я намазывал жир на палец и выводил на стене всякие пахабные слова. Потом, засыпая, долго хихикал над ними.

Не знаю, что уберегало меня от самоубийства. Я хотел смерти и боялся ее. Удивляюсь, каким чудом я не сошел с ума, хотя что-то все равно щелкнуло.

Но плов... рис с маслом, жиром, мясом, морковью и луком, этими противными приправами... Утром, вечером, днем. Каждый день. Я смотрел на него и плакал. Смеялся и плакал. Меня трясло от него. Везде, всегда плов! Если бы он был живой, я бы казнил каждую рисинку. Я бы делал им каждой маленькие виселицы и вешал на тоненьких ниточках! Я бы раздирал мясные кусочки на их проклятые волокна – четвертовал бы их, а потом отплясывал на их сдохших молекулах. Я бы топил в унитазе морковины, а потом с победным гиканьем прыгал бы рядом, поплеывая сверху. Я бы мочился на луковые выжаренные перышки и покрывал их матом. И я так и делал. Каждый день. Со всеми! Но этого мне было мало. Я смазывал себе голову маслом и кричал диким воплем. Я грыз зубами алюминиевую тарелку и колотил ею об стены. Срал ехидно на подносы и вышвыривал обратно

за дверь через поганую щелочку, а в чашку наливал мочи. Но и это не заставило дверь открыться. Я не слышал даже мата в ответ за дверь. Облезлые выродки! Они не дали мне шанса даже насмеяться над ними.

Иногда я даже уставал плакать. Глаза щипало. Веки набухали. Я боялся выплакать глаза и ослепнуть, потому что я надеялся когда-нибудь увидеть, чьи же это сапоги и порвать его на куски. Я чувствовал, что прошло лето, холодная осень. А сапоги не менялись. Что за дебил? Почему у него такая поганая привычка не менять обувь по сезону? Он и в гроб в них ляжет? Да! Однажды я помогу ему туда лечь. Обязательно! Клянусь всем, на чем держится этот мир!

Опять скрип задвижки. Поганый плов. Невыносимо! С размаху я швырнул о дверь. Рис разлетелся по всей комнате. И я прыгнул на кровать и прислонился к стене. Минута, две, десять, полчаса. От нечего делать сосет в желудке. Рис ехидно поглядывает с полу. «Поел? Утрись.» И утрись!

Сползаю на пол. Нерешительно притрагиваюсь к самой большой кучке и как собака запихиваю в рот. Наклоняюсь ниже и ртом собираю остатки. Потом долго медленно ползаю от стены до стены в поисках каждого зернышка. Пить придется вечером. Хотя я и не хочу. Во время этой поганой трапезы я чавкаю, прислушиваюсь к своим звукам. Облизываю пальцы.

Однажды утром обнаружил на столе черно-белый телевизор с двумя каналами. Рябил. Но меня это уже порадовало:

хоть какая-то связь с миром.

Не помню сколько, но сутками, не отрываясь, пялился во все подряд программы, боясь упустить хотя бы слово.

Как назло, канал был самый паршивый. Казали только мир животных, кулинарные передачи, в первой из которых показывали как готовить плов. По другому крутили без перебоя дебилные нудные сериалы, мультики про киборгов. И в конце мне это так осточертело, что я стал относиться к телевизору с чуть меньшей ненавистью, чем к рису и задвижке. Я не швырял его об стену, ибо я ел поганый плов и слушал проклятую миллиард раз ржавую задвижку...

Но больше всего мне не давал покоя красный круг. Неоконченный. Напротив моей кровати. Но он был единственный не черного цвета. Я часами стоял и ломал голову зачем он здесь, что он означает. Пытался заглянуть в его прошлое.

Красный круг. В Буддизме говорится, что когда ты появляешься в чьей-то судьбе, это остается записанным, и это место, где вы встречаетесь, называется красным кругом.

Ты, мой тайный враг, ведь хочешь сказать: «Я жду,» – не так ли? Да, я стал говорить с ним. Это заменяло мне общество. Ненависть поддерживала желание жить.

Когда же у меня появляется желание побриться, в комнату пускают сизый газ. И я чувствую, что он мне опасен. Я теряю сознание. А когда снова прихожу в себя, вижу, что я чистый, свежий, побритый, подстриженный, в чистой одежде.

де. Постель сменили. В комнате прибрались. А голова ужасно болит, трещит и я как пьяный. А на руках нахожу следы шприцов. То ли кровь брали, то ли укол делали.

Однажды снова они проделали со мной все это. Черный сон со вставным раздвижным сюжетом не давал мне покоя. Я входил куда-то, и снова нужно входить. Сквозь все это я услышал призыв.

– Володя.

Я продолжал глупые вхождения.

– Володя, – голос был тихий, печальный, родной. Последнее заставило меня оторваться от своего занятия. Я обернулся...

Поднимаю тяжелую голову с подушки. На кровати кто-то еще. Посмотрел. В ногах сидит вся белая моя жена. Волосы распущены. Платье пестрое, мое любимое.

Но я встрепенулся от неожиданности. Она была так реальна, как будто я не спал. Да, я проснулся. Что она тут делает? Неужели ее засунули ко мне и теперь мы проживем остаток жизни в этой конуре вдвоем? А наших детей тоже сунут в такие же камеры. И это поганый эксперимент.

Глаза ее грустные смотрели будто прощались. По ее мраморной щеке покатилась странная черная слеза. А на шее я разглядел красную нить.

Настя сидела безжизненно. Руки, как пришитые, лежали на коленях.

Я подсел к ней ближе, все еще сомневаясь, что она могла здесь появиться. Чтобы не напугать прекрасное виденье, осторожно протянул к ней руку. Коснулся щеки, волос. Таких, как раньше. Только щеки чуть холодней. Чуть потянул к себе.

– Настя.

Она даже не взглянула. Глаза стеклянные. От красного ожерелья потекли ручейки.

Вдруг с мерзким хрустом ее голова отломилась и покатилась по одеялу. Я в ужасе вскочил и, цепляясь в кирпичную кладку стены, вжался в угол. Не мог дышать. Не мог вырваться отсюда. Тело ее грузно повалилось. Кровь заливала постель.

Я дрожал и скрябал ногтями камень. Секунды через две, едва моргнув, все исчезло. Меня трясло. Язык отнялся. Не мог даже кричать. Только холодная стена давала мне мрачный приют у себя на груди.

Весь следующий день я сидел у кровати на табурете и смотрел на то место, где была жена. Я не мог сидеть, лежать на кровати. Мне все еще казались пятна крови и холодное тело. Мои пальцы еще чувствовали ее кожу. Кончики просто горели этим ощущением. Я мотал по-идиотски головой и тер темечко. Мысль неотступно била в висок: «Настя мертва, Настя мертва. Ее больше нет.»

Чтобы не сходить с ума дальше, я оставил телевизор го-

реть. За спиной я услышал слова, все более явственно осознавая их смысл:

«Криминальные вести вечера. На Лосиновой улице в доме номер четыре обнаружено тело женщины. По данным соседей, она жила одна. Ее муж Владимир Романов пропал год назад. Вчера ночью он неожиданно вернулся. Между супругами возникла ссора, в ходе которой Владимир Романов нанес жене невероятной силы удар топором и обезглавил, криминалисты обнаружили его отпечатки пальцев на орудии убийства и на стакане с водой. Так же он оставил свою одежду, испачканную его же кровью, и сбежал. Владимир Романов объявлен в розыск. Всех, кто располагает какими-нибудь сведениями о нем...»

В ушах у меня зашумело. Обессиленный заточением, я даже не смог в эту минуту нормально выплакаться, ибо я пролил столько слез, что мои глаза не справлялись. И теперь я плакал почти что в один только голос. Они убили ее. За что ее-то? Она-то точно ни в чем не виновата. В душе что-то порвалось. Она пришла прощаться со мной. Верно, они после смерти знают больше нас. Нашла меня. И я решил, что она пришла за мной. Я захотел догнать ее.

В бессильном бешенстве я швырнул стакан, что подвернулся под руку и угодил в маленькое зеркало на стене.

Когда я это сделал, идея созрела в голове. Я подошел к разбитому стеклу. Отломил большой кусок и, нисколько не колеблясь, полоснул по руке. В исковерканном отражении

я видел подавленного, опухшего от терзаний человека с закусенной губой. Они смогли меня раздавить и высушить. Теперь у меня не осталось ни боли, ни страха, ни сожаления.

Я повернулся и посмотрел в маленькую камеру. За мной постоянно наблюдали. Первое время я отрывал ее и крошил. Потом паясничал, оголялся, показывал неприличные телодвижения. В ответ никто не отвечал. И мне надоело. От недостатка человеческого внимания я перестал крошить этот чей-то глаз. Я его ненавижу. Ибо мне нужно было что-то испытывать.

Теперь, глядя в камеру, я ощущал, как по ту сторону кто-то радуется моей кончине.»

После очередной газовой подачи пришли люди в масках. Они положили узника на целлофан и поволокли, оставляя на полу кровавую колею от двух запястий. Кинули тело на кровать и начали умело зашивать грубыми нитками раны.

«Очнулся я от рези и ломоты во всем теле. Попытался поднять голову. Она бессильно падала. Руки онемели, колют. Неужели я снова здесь? Они мне даже умереть не дали. Я посмотрел на забинтованные запястья. Ну почему? Что им от меня надо? Молчаливое око камеры вперило в меня.»

Им мало моего тюремного заточения. Их жестокость была в том, что они оставляют меня невредимым. Не дают мне

покончить с собой и с этим кошмаром. Они заставляют меня жить этой червячной жизнью и мучаться. И я знаю, тот, кто не дает мне умереть, хочет встретиться со мной.

Я ползлелся от камеры к столу в углу. Сел на табурет. Зажег лампу. Для развлечения они оставили мне блокнот и ручку с карандашом.

Нет, мой мозг не хуже твоего. Моя память не меньше. Я в себе. Ты не сможешь сделать из меня куклу!

Я вспомню его имя! И я стал записывать в блокнот свои ощущения. Свои воспоминания.

Все имена тех, с кем я когда-либо имел какие-то отношения. Каждого человека, которому я сделал что-нибудь плохое. Все, что смогу.

Я распрямил скрепку. Пересиливая боль, проволокой я царапал кожу себе на кисти руки.

И еще я запишу свои мучения, чтобы не забыть их потом. Они тоже не слабее твоих, что бы я не совершил.

Отныне у меня появились занятия. Цель и стремление жить. Я вспомнил своего любимого героя, которым зачитывался в детстве. Граф Монте-Кристо. Разве мог я тогда подумать, что моя судьба с ним в чем-то повторится. Ни я, ни он не знали, за что сидим. У него был друг, старец. У меня же – телевизор и мой блокнот.

Неужели мне понадобится столько же, чтобы выйти и отомстить? За потерянное время, за страдание, за Настю.

Иногда я записывал. Иногда сидел у стены спиной и не за-

метно от камеры железякой скрябал вдоль кирпича. Когда-нибудь я надеялся его отковырять и посмотреть, что же за стеной.

Дни шли за днями. Я отмечал на руке шрамами года заточения. Один год-одна черта проволокой по коже. И каждый день я подходил к красному кругу, часами пялился на него и вопрошал: кто ты? Кто? Когда мы встретимся? Сейчас ты тоже меня ждешь. Встретиться лицом к лицу.

Но сейчас я не просто буду ждать это время. Я буду готовиться к нему. Только для тебя. Для тебя.

А на руке уже четыре полоски. И кирпичик стал чуть рельефнее. Скоро я выбью его и увижу, что же там. Я начал бить в стену как боксер.

Моя злость, мое тело, мое сознание – они все зацементировались. Я не боялся ударить кулаком со всей силы по стене, не боялся раздробить кость. Потому что я стал железным.

Руки не чувствовали боли. Кулаки вышибали кусочки кирпича или это так мне казалось. Я ожил. И когда лязгал засов и подлетал снизу поднос с едой, я отрабатывал удары, повторяя про себя: я обязательно тебя уничтожу! И я не смотрел на окровавленные костяшки. Я передыхал и снова колол стену.

А сапоги. Они обновились, но оставались все того же фасона и похожей окраски. Какой же он дурак. За четыре года не изменил свои вкусы.

В это время, когда я существовал в четырех стенах, мир терял своих кумиров. Меня это не трогало. Я терял свою жизнь. И сидел перед телевизором. Сидел и осознавал скоротечность времени. Даже тут, в четырех стенах, она начала пролетать незаметно.

В одном из дней казали фильм про самураев. Я подумал: почему нет? Я могу сам научиться еще владеть не только кулаком, но и мечом. Отодрал беспощадно от табурета ножку (все равно придут и заменят) и посвятил ее в мечи. Глядя на экран, копировал их движения. Сначала делал медленно, не отрывая взгляда. И мне понравилось. Я даже в детстве игрой в войнушку так не увлекался, как сейчас. Намахавшись моим мечом, я разорвал простынь и намотал ее на руки. Теперь еще сильнее и остервененнее дубасил по стене кулаком, локтем, кулаком... До пота, часами, до дрожи в ногах, до тряпья.

А по телевизору шла война в Чечне. Вместе со мной словно воевал весь мир. Мир менялся. Все менялось. И опять приходили мысли о безвозвратности потерянной в четырех стенах жизни. Без света солнца, без ветра, без воздуха, без живой человеческой речи. Без смены сезонов, без зеленой листвы и белого снега. Кем я был и что я теперь? Успешный бизнесмен, любимый муж, счастливый человек. Теперь я просто тот, кто живой. Даже имени не осталось. Его у меня нет, потому что никто меня никак не называет.

Я жил в кубе. Шесть поверхностей. Шесть граней. Я чудом удерживал себя от сумасшествия. Поначалу иногда я терялся: может потолок – это пол. И я должен ходить по полу, который именуется стеной. Может, после очередного газа, меня перевернули с ног на голову и я уже хожу по потолку. Ведь есть же присоски или турбины, которые меняют гравитацию. Может быть это просто эксперимент ученых или меня отправили в космос. И я никому не делал ничего плохого. А может...

Эти может миллионами лезли в голову, вытесняя один другого, повторялись, менялись. С ними я просыпался. С ними засыпал. Я один. И может это не сапоги, а роботы. А может плов не плов и рисинки – это инопланетяне, имплантанты... личинки... я заражен... я новое оружие массового уничтожения... я...

Я подходил к стене и молотил кирпичи, чтобы прийти в себя.

И постоянно держал телевизор включенным, чтобы не разучиться говорить и понимать людей. Я хоть как-то был сопричастен к этому миру. Если я вижу их, значит не все еще потеряно. Я иной раз заговаривал с диктором, отвечал на его вопросы, задавал свои. Развлекало, если случались совпадения. Тогда мне казалось, что меня слышат или начинал подозревать подосланных ко мне шпионов, которые прячутся внутри ящика.

Стул заменили. Палку оставили. Наверно им нравилось смотреть, как я выбиваю ею в воздухе невидимого врага. А мой враг ждал, что я стану сильным и более интересным для него. Я чувствовал это по той непонятной энергии, что шла от глаза камеры. А мое искусство махания мечом, как мне казалось, все больше оттачивалось. Начались боевики. Показывали часто, разные. Я копировал все.

И вот в один день в мою бедную камеру пришел праздник. Я наконец-то отковырял тот кирпич. Не могу передать мое волнение при этом. Будто я вылезал из утробы матери, чтобы узнать мир. Я глубоко вздохнул и выпер его. Он куда — то рухнул и прекрасный свет настоящего полился сквозь маленькое отверстие.

Снаружи шел дождь. Я наклонился и заглянул туда. Ничего не было видно прямо. Еще одна кладка. Наверно там кирпичный забор. Но дождь все равно лил. Мои пальцы вместо меня ловили воздух и эту освежающую влагу. Глотку сводило от свежего воздуха. Я не мог им надышаться. Не мог кричать. Звать кого-то о спасении. Я привык молчать. Я разучился кого-то о чем-то просить. Может зря. Может это был шанс. А может все равно бы меня не услышал никто, кроме этих псов, что приносят мне жратву, моют меня, переодевают. И я не закричал. Я надеялся, что никто не заметит и я постоянно буду смотреть туда. А чтобы никто не обнаружил, заставлю стулом, столом. Чем угодно. И каждый раз буду от-

рывать кирпич за кирпичом. И когда-нибудь возьму и вылезу. И пусть это будет хоть сорок мороза. Я не побоюсь босиком побежать по хрустящему снегу и выть. Я не думал, что за стеной может оказаться какой-нибудь сорок пятый этаж. Прыгну и полечу.

Да. Это не высоко. Капли шлепались близко. В лужу. Я слышал это. Просунул руку в отверстие целиком, насколько она могла пролезть. Набрал горсть настоящей дождевой воды. Осторожно вернул обратно. Она светилась в ладони. Божественно. Настоящее чудо в дождевой воде! Я выпил ее. Мокрой ладонью мочил лицо. Пьянел от восторга. Трепетал всем телом. За долгие годы я вновь познавал наслаждение. И звук свободы. Он шел снаружи. Околдовывал. Позабыв осторожность, я не прятался и не прятал щель. Я ликовал.

Я получу мою свободу обратно. Я стану свободным!

И только я уверовал в это, как из трубы повалил сизый газ.

Проснувшись, я, даже не вставая, заплакал. Не проверяя, я знал, что сделали эти скоты. Они лишили меня маленькой свободы!

Я яростно кинул об пол свой инструмент. Со звоном он отскочил и ударился об стену, на которой красовалась цементная новая заплатка моего окна в мир...

Здесь я отпраздновал пловом новое тысячелетие. Запил чаем горе погибших американцев во время атаки самолетов-террористов.

И в положенное время я брался за свой мечь. За эти годы что-то переключилось в мозгу. По заказу я мог четко представить живого противника с его выпадами, отходами. Я видел его во плоти. Только без лица. Черный капюшон. Мы дрались с ним часами. И я побеждал. Я так видел. Я так хотел.

Число шрамов на руке росло, сжимая кулак и зубы. Напряжение. Нехватка витаминов. Я поседел. Становился стариком раньше времени. Между бровями и на лбу образовались глубокие складки постоянных мыслей.

А мир все крушил своими катастрофами и жарился горячими точками. Сколько еще я пропущу событий?

Я постоянно над этим размышлял в одиночестве. Признаюсь, порой складывались руки. Оставить свои занятия. Перестать готовиться к чему-то, что может никогда и не произойти. И я навек буду здесь заточен. Я даже не пойму, что пришла пора умирать и не умру, и переживу нормальную человеческую жизнь. Потому что одно дело телевизор и мир снаружи, другое – я. Изолированный и чужой всем и всему. Даже смерти.

Я посмотрел на себя в разбитое много лет назад зеркало. Его единственное так и не меняли. Я потерялся в этом шестиграннике. Все стало тесным и печальным. Все предопределено. Долгие годы высечены здесь в камне моими кулаками. Последние три года мне особенно тесно и плохо. Меня не стригут, не моют, газ не пускают. Может и в камеру

не смотрят, потому что надоел им. Они не чистят мою комнату. Я, наверно, воняю как черт.

Я бы подумал, что они вымерли, не дождавшись. Но дебилы сапоги так же стучали об пол и швыряли еду. Они так издеваются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.